

Сергей Лузан входил в число самых молодых СМОГ – «самое молодое общество поэтов», организованное в Москве Леонидом Губановым. Теперь Сергей – таймырский охотник. Сибирячка Елена Хлесткина – плакательница, причитальница, вопленица, если не по должности, то по призванию. Филолог с вузовским дипломом Геннадий Кононов – педагог школы глухонемых в городке с ужасно образным названием Пыталово в Псковской области. Николай Пальчевский из-под Москвы никаких вузов не кончал. Будучи стихотворцем, не напечатал на русском языке ни единой строки. Зато Николаевы вирши читают на английском – в «Антологии русской современной поэзии», изданной в США...

Со всеми названными вполне незаурядными личностями автору этих строк посчастливилось встретиться на страницах вышедшей в Москве книги «Приют неизвестных поэтов». Дикороссы», а с некоторыми из них, «дикорастущих россиян», лицом к лицу – на дискуссии в газете «Трибуна» и на вечере поэзии в Центральном доме журналистов, приуроченном к выходу в свет единственного в своем роде сборника стихов сорока авторов со всей России.

Соседом же моим по комнате в столичной гостинице «Арктика» оказался не кто иной, как человек, с чьей легкой руки появилось само слово «дикороссы», – импозантный бородач средних лет Андрей Канавчиков из Великих Лук. За нетривиальный склад ума и виртуозное владение жанрами в диапазоне от псалма и боевого гимна до басни и авангардных, в духе Велимира Хлебникова, палиндромов и крестословиц объявлен великолукскими стихотворцами Велимиром Третьим.

Путешествовал на воздушном шаре. Воспарив, занялся вычислениями. Оказывается, между рождением поэтов, по

Канавчиков, должно пройти 90 лет. Издал нашумевшее эссе «Новый Пушкин уже родился», с чем, между прочим, наши современные классики не согласились. В знак давних дружеских чувств к древнему

спорить с этим было невозможно, поэтому ваш покорный слуга лишь рискнул дополнить разговор возникшими в то утро по пути в столицу догадками. Например, о том, что всенародное признание в ли-

Фим Бершин и Галина Воропаева, главный редактор «Трибуны» Валерий Симонов, редактор книги «Приют неизвестных поэтов» Ирина Медведева. Минут за двадцать, что называется, сняли проблему.

Поняли, что сами-то ораторы из «дикорастущих россиян» вовсе и не против считать себя таковыми, потому как – согласно ярославской трактовке вопроса – их «никто не культивировал, не удобрял, не

подвергал мичуринским прививкам». На вечере поэзии в домжуров книги читали по кругу (как раз в том самом зале, где много читывал и Маяковский). В

интермедиях слушали под гитару мистические баллады новосибирца Дмитрия Литасова, и голос его, как выразился многомудрый и точный в оценках Беликов, действительно «гулял от земли до неба».

приимным кровом «Приют неизвестных поэтов».

Судьба позаботилась, чтобы у московского вечера поэзии был ярославский «постскриптум». Пока эти заметки готовились к печати, в домофоне квартиры их автора раздался звонкий тенорок сибиряка Дмитрия Литасова. Гость с порога извинился, что не успел в столичной суете толком объяснить, почему собирается по дороге домой наведаться в Ярославль.

Сам он родом из Новосибирска, а вот мама Дмитрия – волжанка, и с отцом, военным летчиком, они лет сорок назад познакомились как раз в нашем городе. Диму привозили сюда только однажды, в младенческом возрасте, и те воспоминания, по его словам, состояли из одних радужных пятен: «Что-то синее, зеленое, лучисто-желтое».

Местный «дикоросс» устроил новоявленному земляку полтора часовую прогулку по старому саду в его чисто-белом цветочном варианте. Вечером в Знаменской башне Литасов поведал о себе много чего занятного. Например, о том, что первой записью в его трудовой книжке было: «вокалист». Появилась она после отборочно-го тура эстрадного конкурса «Юрмала-89». Исполнил там пару своих песен, был бурно принят. Позже понял, что попал не его призвание.

За чайком у Эма Юстинова гость как раз и занялся любимым делом. С гитарой в руках беседовал с деревьями и травами, сверчками, ящерицами и совами. О чем? Да все о том же – о странной привычке «гомо сапиенс» вести себя подобно пришельцам издалека, все время разрушая гармонию земного...

Юлиан НАДЕЖДИН.
На снимке: гость Ярославля – поэт и бард из Новосибирска Дмитрий ЛИТАСОВ.

Фото
Геннадия ДЖУЗЕНОВА.

ПРИУТ НЕИЗВЕСТНЫХ

Ярославлю Велимир Третий подарил в библиотеку «Северного края» собственный сборник «Иней», выпущенный в Санкт-Петербурге, где Канавчиков, как простой смертный, закончил в свое время университетский журфак.

За «круглым столом» поэтов из разных городов и московских критиков первым делом договорились об исходных понятиях. Произошло сие в довольно мирной обстановке, благо один из ведущих вечера, составитель книги, поэт и журналист Юрий Беликов очень кстати вспомнил строчки незабвенного Владимира Соколова: «Безвестность – это не бесславье. Безвестен лютик полевой, всем золотеющий во здравье, а иногда за упокой». И дальше: «Безвестен врач, в размыве стужи идущий за полночь по льду... А вот бесславье – это хуже. Оно как слава. На виду».

В получасовом вдохновенном «программном» монологе соведущей «круглого стола», поэта и критика Марины Кудимовой, сумевшей услышать в книге «Приют неизвестных поэтов» «гул родной речи», крепко досталось лукавому, амбициозному и сплошь фискальному миру рейтингов, где «всемирную славу» делают за деньги.

тературе, если оно не от читательской любви, как у Пушкина, – материя иллюзорная, чаще всего из области самообманов. Так случилось, смею предположить, с Маяковским.

Помните, «Я хочу быть понятой моей страной, а если нет, то что ж...»? Написалось такое в эпоху России, где еще силен был дух конармейской, сабельной революционности, но уже начали проступать железобетонные каркасы великих строек социализма и вовсю шло выведение новой породы людей «гомо советикус».

Странное, согласитесь, желание быть понятым такой страной, целой страной, всей страной обернулось у Маяковского поздним жестоким прозрением. В посмертной записке он обращался – нет, уже не к стране – к «товарищу-правительству». Тут была трагическая прямота. Свой дар он советской власти «запродал» (слово критика Станислава Рассадина) и ведь не скрывал же этого.

Постепенно спускаясь с высот пушкинско-маяковских, дошли мы и до обсуждения темы, заявленной в приглашении билетов: «Дикороссы: чья-то прихоть или новая реальность?». Свое откровенное слово сказали по такому поводу в стиле блиц столичные поэты

Посмотрели озвученный им видеорекивем поэт и профессионального киношника Сергея Князева – памяти «дикороссов», покинувших этот лучший из миров, пока книга готовилась к печати. Студенческий друг легендарного Башлака, Башлачева, видимо, равный ему по таланту, Сергей Нохрин умер от разрыва аорты. «Играй же на разрыв аорты», – пел Сергей. Девятнадцатилетний Илья Тюрин утонул в Кировском затоне Москвы-реки. Родители и близкие учредили фонд его памяти и ежегодную литературную «Илья-премию» для молодых «дикороссов».

Пермяк Борис Гашев погиб 1 мая 2000 года, как раз в день рождения дочери. Просто вышел в магазин за пивом. Во дворе собственного дома обменялись взглядами на жизнь с абсолютной незнакомой женщиной. И та решила подкрепить свое несогласие натренированным ударом ноги в висок собеседника.

Вместе с тридцатипятилетней дочерью Гашева – поэтом и драматургом из Перми Ксенией Гашевой, которую ярославский «дикоросс» в последний раз видел школьницей-приготовишкой с косичками, на фуршет в домжуре поманили раба Божьего Бориса и всех семерых, кому не суждено было согреться под госте-